

Г. 23
34097
СЕМЕН ГУДЗЕНКО

СТИХИ
и

БАЛЛАДЫ

«Молодая гвардия»

1945

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

СТИХИ
и
БАЛЛАДЫ

Под редакцией
П. Антокольского

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

1945

Мы на краю разбитого селенья
товарищей погибших погребли.
Последний заступ каменной земли, —
и весь отряд рванулся в наступленье.

Испуганно ударил миномет...
Но разве можно устоять пред нами?
Нам души жжет пожара пламя,
глаза сожженных нас зовут вперед.

Лист

Сентиментальный,
  нежный друг,
тебя вспугнул снарядов свист,
орудий рев, горящий луг...
Война нас вместе не сведет.
А для тебя я третий год
храню кленовый лист.
Ведь это все, что я унес
из Киева тогда.

(О, Дарницкий проклятый плес,
                безумная вода!

Тебе не знать их никогда.)

...Стихи остались на столе,
они в сраженье не пошли.
Я не припал к родной земле,
не взял в дорогу

горсть земли.

И только он,
                     кленовый лист,
 хранил воспоминанья дрожь.
 (Его сорвал осенний дождь.)
 Я для тебя его берег.
 Но жилки красные на нем
 напомнили мне кровь дорог,
 и стон, и гомон переправ.
             (О, до чего хотелось жить,
             когда мы уходили вплавь,
             когда мы падали в пути...)
 Сентиментальный друг,
   прости...

Оттепель

Так

                    случается иногда:
 не желает,
                     презрев приличие,
 замерзнуть в январе вода —
 не до льда ей,
                     не до обычая.
 И течет по земле журча,
 забывая о месте действий,
 крепче
                     первого первача,
 ярче
                     вымышленного детства.

По колени ей океан,
на ветру она

не остынет.

Зачерпнешь из ручья в стакан
вот такой —

безалаберно синей.

И помотришь на свет:

слеза

и моей киевлянки глаза.

Нерабочий сегодня денек,
даже снайперам нет удачи.

Гармонист присел на порог
и любимую нашу начал.

В песне соколы

и лоза,

и таит мою грусть криница

и моей киевлянки глаза.

(Не успел с ней в июне проститься.)

Что осталось от той поры?

За два года, что с нами случилось?

Пальцы желтые от махры,

и глаза подвела усталость.

Песня та же!

И голос тот!

(Где же оторопь и усталость?)

...И вода в январе течет.

Что такое с водою случилось?

Киев

У нас окопное терпенье —
мы всё смогли перетерпеть.

И осень звонкую, как медь,
и город в зарослях сирени,
оставив на краю земли,
за разбомбленной передравой,
в плену, за проволокой ржавой, —
с боями на восток ушли.

Но и в сугробах Подмосковья
и в тоях белорусских рек
был Киев первую любовью,
незабываемой вовек.

И во сто крат
я был влюбленней
там, в сталинградском далеке.

...Царапина на старом клене,
казалось —

на моей руке.

Повешенный

был кровным братом.

Расстрелянный — родным отцом.

Был путь один:

притти солдатом

и двери отворить штыком.

Я по дорогам и сугробам
шел ночью, не смыкая глаз.
Я клялся верностью до гроба.
(Без гроба хоронили нас!)

Мы снова в Киеве,
дождями
промытом до голубизны.
И кажется,
каштаны с нами
весенние
пришли с войны.

...У нас окопное терпенье —
мы все могли перетерпеть:
и отступление и смерть.

Чтоб снова
в зарослях сирени
малиновкам до ночи петь.

Чтоб снова
молодым влюбленным
у тополя рассвет встречать.
Чтоб киевлянам запыленным
из Киева
писала мать.

г. Киев

Возвращение

Я возвратился в отчий дом.
Здесь все исхожено вдвоем,
и на песке следы твои.
Здесь, под распахнутым окном,
поют, как прежде, соловьи.

Здесь пригород до самых крыш
черемухой набит.
И по ночам,

                                  когда ты спишь,
уходят звезды из орбит
и падают в песок.

Я возвратился в отчий дом.
На вишнях каменеет сок,
в саду уже четвертый день,
как спирт, горит сирень.

О, как я на войне мечтал
зацеловать тебя до слез!
...В окно идет девятый вал
весенних запахов:

                                  берез,
сирени, ландышей, сосны.
На все лады грачи галдят.

В родном краю
                приход весны
встречает отпускной солдат.

· 2

Сегодня расцветет жасмин —
твои любимые цветы.
Я ночь прожду,
                чтоб принести
тебе к утру букет.

Проходит ночь. Но я один.
От грусти и от духоты
мне кажется, что сада нет,
что я опять в пути.
Опять один...

                Четвертый год!
В какие ты ушла края?
Кто скажет мне,
                когда придет
и где живет (если жива)
любимая моя?

...Молчит охрипший соловей
и онемевшая листва.

Так для кого ломать жасмин?
Кого ночами ждать в саду?

Так для кого искать звезду,
упавшую в песок?

Хоть отпуску не вышел срок,
я возвращаюсь на войну
в окопный,

неуютный дом.

И третью встречу я весну
в атаке за Днестром.

г. Киев

Память

Был мороз.

Не измеришь по

Плюнь — замерзнет.

Такой мороз.

Было поле с безмолвными рельсами,
позабывшими стук колес.

Были стрелки

совсем незрячие —

ни зеленых,

ни красных огней.

Были щи ледяные.

Горячие

были схватки

за пять этих дней.

Каждый помнит по-своему, иначе,
и Сухиничи, и Думиничи,

и лесную тропу на Людиново —
обоженное, нелюдимое.

Пусть кому-нибудь кажется мелочью,
но товарищ мой до сих пор
помнит только узоры беличьи
и в березе забытый топор.
Вот и мне:

не деревни сгоревшие,
не поход по чужим следам,
а запомнились онемевшие
рельсы.

Кажется, навсегда...

Гармоника

Забудешь все:

и окружение,
и тиф,
и мерзлую ботву.

Но после третьего ранения
на сутки вырвешься в Москву,
и сызнава тебе припомнится:
под Витебском

осенний шлях,
в густом орешнике покойница
с водою дождевой в глазах.
Ты заскучаешь в тихом домике;

не попрощавшись, улетишь.
И все из-за губной гармоникки.
(Играл под окнами малышей.)
И вспомнилось:

                                  старухи плакали,
когда тебя

                                  (Сынок!.. Родной!..)
вели расстреливать каратели
под смех
                                  гармоникки губной.

Трава

Я не хотел опять о травах,
но так всегда:
                                  когда живу в Москве,
я на неделю получаю право
писать стихи о ветре и траве.
Ведь я в апреле снова прозеваю
цветенье яблонь, появленье трав.
...Я опоздал к последнему трамваю.
Бродить, бродить придется до утра.
Случайно в палисаднике на Бронной
увидел пятнышко травы,
                                  и мне

его руками захотелось тронуть,
как мальчижу винтовку на стене.

На Днестре

После оглушительных ветров,
бездорожья, снега и дождей,
загнанных до хрипа лошадей,
гаснущих от шопота костров —
на Днестре мы встретили весну,
и саперов с волжских переправ,
и донскую черную волну,
и баркасы с Буга и Днепра.

Это наша пятая река.

Все здесь повторяется опять:
правые крутые берега,
минами подорванная гать,
раненых выносят на паром,
люди не любят Днестром,
Волгу вспоминают на заре.

...А когда по Рейну поплывем —
будем петь о солнечном Днестре.

II

Тишина

Последний залп.

И после дней бессонных
дождались мы
невиданного сна.

И наконец-то
с третьим эшеленом
сюда пришла сплошная тишина.

Она лежит,
неслыханно большая,
на гильзах

и на битых кирпичах,
таким сердцебиеньем оглушая,
что засыпаешь с ходу сгоряча.

И сталинградец
в эту ночь

впервые
снял сапоги и расстегнул ремни.

Не всех убитых погребли живые,
но в очагах затеплились огни.
И пусть кружатся «Юнкеры» над нами,
испуганно разглядывая флаг.
Спим без сапог.

Пудовыми кусками
прилип к ним рыжеватый известняк.

— А у тебя зеленые глаза,
такие же, как у моей зазнобы, —
приятель мне задумчиво сказал.
Раскинув руки,
мы уснули оба.

Первые жители

Не думали, что глушь подвала —
такой обетованный дом.

Две матери на три квартала,
и больше ни души кругом.

А город весь —
кирпич да щепки,
земля, покрытая золой.

Но все равно любили крепко,
по-матерински — город свой.
Визжали мины.

.. Долго, долго

зимой тянулись вечера.
Им снились дочери за Волгой,
сыны-солдаты, детвора.
Они бойцам белье стирали,
упрямо шили дотемна.
Казалось, что в родном квартале
вовек не кончится война.

...Над лампой — гильзой с керосином —
плясало лезвие огня.
И вот пришло письмо от сына,
потом приехала родня.
Уже заселены кварталы,
но помнят войны-сыны
двух первых жителей подвала,
стоявших насмерть в дни войны.

Последний немец

Конец февраля.

Как занавески,
синее небо в пробойнах стен.
Немцам стрелки на перекрестках
дорогу указывают в плен.
Это история.

Это память.

Грохот сражений

с Поволжья ушел.

Неразлучны они
даже с мертвым солдатом.

Ты подумай о нем,
молодом и веселом
В сорок первом окончил он
среднюю школу.
У него на груди
под рубахой хранится
фотокарточка той,
что жила за Царицей.

...У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколения.

* * *

Не до отдыха нам.

И неделю подряд,
засыпая урывками ночью,
на лесах, у станков

сталинградцы стоят
по-солдатски: упрямо и молча.
Нам не время, товарищи, брать отпуска:
продолжается битва за город.
Если даже приходит ночами тоска
в шалаши, в неуютные норы,
не уйдут сталинградцы, —

куда їни зови,

отовсюду спешат, возвратиться.
Силой нашего гнева и нашей любви
Сталинград
из руин
возродится!

Мастер

Здесь рядом Волга.

И по лугу,
по руслам пересохших рек
сползал с дороги на дорогу
и таял почерневший снег.
Бывали заморозки в марте,
и лед похрустывал с утра,
а он не замечал в азарте,
что дуют лютые ветра.
Здесь начинался поединок,
и он раздумывать не мог
о преимуществе ботинок
над парой стоптанных сапог.
И не судачила бригада,
устав от вечной маяты,
о сне,

о хлебе,

об окладах

и о цехах, еще пустых.

Здесь начиналось все вслепую.

Не знали:

выйдет или нет.

И мастер брал деталь любую,
как неразгаданный секрет.

Стояли грузные машины,
и он обязан был вдохнуть
отвагу пополам с бензином
в их бронированную грудь.

Чтобы в лесах на Брянском фронте,
на окровавленной траве,
всю злость, что получил в ремонте,
отдал врагам его «КВ».

Здесь рядом Волга.

И по лугу

стекала мутная вода.

И вот пришла к нему тревога —
такой не знал он никогда.

И он зажмурился невольно,
когда, откидывая снег,
рванулись танки

на контрольный,

на испытательный пробег.

На поле боя

Три недели недосыпаний,
и опять не придется лечь.
После суточных испытаний

в бортовых проявилась течь.
По нарядам и по тетрадам
выясняется:

чья вина?

А водителя лихорадит
непривычная тишина.

Он спрашивает, ругает,
не отходит от слесарей.

— А ну-ка, девушка дорогая,
пошевеливайся быстрее!.. —

Он забыл обо всем на свете,
только б снова гудела броня,
только б снова ударил ветер,
в душном танке, как спирт, пьяня.

Ничего, что броня примята, —
исступленно взревел мотор.

В танк врывается запах мяты,
и летит он во весь опор
за Мечетку, на поле боя,
на развалины блиндажей.

Там он чувствует всей броней
справедливость дороги своей.

И водитель свирепую силу
проверяет до темноты
и к рассвету бойцам на могилу
на броне привозит цветы.

Дожди

В Поволжье в июле пришли холода,
осенняя непогода.

Крыши текут,

по пояс вода.

За день не вычерпать воду.

А рядом идут до Москвы поезда,
до Горького пароходы.

И как не мечтать мне о тихом тепле!

Ну как мне не бредить теплом,
когда на разорванной толлом земле
мы в узких траншеях живем!

Шумят

по ночам

проливные дожди,

с обрывов сползает лавина
на наши землянки, на блиндажи, —
тяжелая, ржавая глина.

...Мне мастер вчера сароги одолжил,
и я на лесах не простыну.

И я никуда не уйду, не вернусь,
пусть мимо идут пароходы.

Меня не пугает окопная грусть,
осенняя непогода.

Когда мне становится тяжело
и думаю я о покое,

я вижу:

ровесник вернулся в село
седой, с перебитой рукою.

Письмо с Волги

Я бы мог от правила отступить
и тебе написать обо всем:

о солдате, засыпанном солью в степи,
о подвале, где мы живем.

Мне не хочется письма отсюда строчить
(лишь бы знал я,
что ты жива).

Здесь нужны, как гвозди и кирпичи,
все известные мне слова.

За два года столько ран запеклось
(маме этого не пиши).

Я теперь,

как бинты,

отдираю злость

со своей беззаботной души.

Продолжается битва

в дыму и пальбе.

Можешь мертвым в сражении лечь,
но не смеешь

ни строчки оставить себе,
ни удара сердца сберечь.

Потому что здесь песни нужны, — как
жилье,

и стихи, — как колодцы с водой.

Ты простишь мне,

конечно,

молчанье мое,

как прощала — с передовой.

г. Сталинград, 1943 г.

III

Баллада о знамени

«Пусть осенит вас победоносное
знамя великого Ленина».

И. Сталин

1

Летом

на Украине
каждую ночь звездопад.

В заводах,

в тихой тине
теплые звезды лежат.

Мы не ценили звезды
и соловьев

ни в грош.

Пыль набивалась в ноздри,
в глотку —

не продохнешь.

Мы дорожили махрой
и ключевой водой...
Только глаза закрою —
тянется шлях степной.
Пыльные сапожищи
черную мнут стерню.
Кажется, люди ищут
долю свою.

2

Мы отступали.
С нами
(в ранце у земляка)
шло полковое знамя,
сорванное с древка.
Вышит на знамени шелком
Ленина силуэт.
...Сколько прошли мы,
сколькo
вынесли горьких бед!
Но по ночам на привалах
мы собирались над ним —
нашим нетронутым, алым
знаменем боевым.
Так нам тогда казалось:
труден военный путь,
сделано очень мало,
чтобы его развернуть
и под простреленным флагом
мчаться по большаку,

в город врываться —

и шагом

гордо,

рука к козырьку.

...Парень напрасно просится
у командира в бой —
нашего знаменосца
в сечи не брали с собой...

3

Трудно двадцатилетним
в самом начале войны
было ночами летними
видеть солдатские сны.

Мало быть сильным,

мало

храбрым быть.

В первом бою
злости нам нехватало,
той, что дробит броню.
Нам бы такую злобу —
мертвые шли б на танк,
так ненавидели,

чтобы

на смерть валил кулак.

Но мы еще не знали,
что у сожженных хат,
что, на берлинском вокзале
девушки наши кричат...

Видно,
                   солдатскими касками
 горе черпать до дна.
 ...Город, разбитый фугасками,
 полк оставлял.

Тишина.

Окна, как будто прозою,
 настезь распахнуты в сад.
 Битым стеклом —
   не росою
 травы на солнце блестят.
 Мертвых пугаются лошади:
 им не понятна беда.
 ...На разбомбленной площади
 Ленин стоит,
   как всегда.

Вот она,
                   с детства знакомая,
 вытянутая фука.
   (Вспомнил я военкома
   гаубичного полка...)

Вот они,
                   очи Ленина,
 мудрые,
                   глубоки.
   (Вспомнил,
   как вслед смотрели нам
   в Гомеле старики...)

Вот он,
                  как на знаменах,
самый
                  великий

                  солдат.

                  (Вспомнил друзей поименно,
                  тех,
                  что под Брестом лежат...)

И неумная ярость
нас захлестнула так —
немец бежал от ударов
первых контратак.

Ленин

                  шел вместе с нами,
слушал бойцов в пути.

Мы развернули знамя,
чтобы вперед идти.,

5

Снова снег,
                  третий снег,
                                  третий год.

И туда,
                  где встречали войну,
нас дорога от Волги ведет
через Днепр,
                  за Десну,
                                  на Двингу.

Этот край

нам с июня

знаком.

Задыхаясь

в горячей пыли,

мы здесь

встретились с Ильичем,

гнев и ненависть обрели.

Вот она,

знакомая рука,

глубина

видавших битвы

глаз.

...Генерал седой

с броневика

нам читает

сталинский приказ.

Баллада об одиночестве

Наши ушли к востоку.

Немцы идут позади.

Раздробленный пулями локоть
до тошноты зудит.

И прошлогодняя стынет
листва

в продрогшем леске.

...И раненый пехотинец

на винницком большаке.

Такая неразбериха...
Податься ему куда?
Один пехотинец.

И тихо
крадется за ним беда.
Опухоль окаменела —
не поместить в рукаве.

Быть может,
лучшим уделом
лежать в прошлогодней листве?
А может быть,
лучше
парню
пулей разбить висок?
...Один пехотинец
без армии.
Ушли земляки на восток.

Без имени
и без отчества
лежат мертвецы окрест.
Так вот оно,
одинокство,
веками обжитых мест.
И падает пехотинец
в продутом, в продрогшем леске.
...И только
раненый немец
на винницком большаке.

Бойтся он:

лес заманит
и будут душить тополя.
Зачем ты пришел,
германец,
на винницкие поля?

И вдруг
пехотинец увидел
грязно-зеленый френч.

Так вот они,
все обиды
всех отступлений и встреч!
...Скрипели от ветра сквозного
обугленные стволы.
Сошлись они.

И ни слова.
И руки сплелись в узлы.
Схватились.

И некуда деться
от липких багровых брызг.
И падая, горло немца
зубами он перегрыз.
Так кончилось одиночество.

Баллада о дружбе

Так

в блиндаже хранят уют
коптилки керосиновой.

Так

дыхание берегут,
когда ползут сквозь минный вой.

Так

раненые кровь хранят,
руками сжав культяпки ног.

. . . . .

Был друг хороший у меня,
и дружбу скупю я берег.
И дружбы не было нежней, —
пускай мой след

в снегах простыл, —
среди запутанных лыжней
мою

всегда он находил.
Он возвращался по ночам...
Услышав скрип его сапог,
я знал:

от стужи он продрог
или от пота он промок.
Мы дружбу нашу берегли
как пехотинцы берегут
метр

окровавленной земли,
когда в боях берут.

и в нашем дележе
сна и консервов на двоих
вопрос:

кому из нас двоих
остаться на войне в живых?
И он опять напомнил мне,
что ждет его в Тюмени сын.
Ну что скажу —

ведь на войне
я в первый раз побрил усы.
И, видно,
жизнь ему вдвойне
дороже и нужней,
чем мне.

Час

дал на сборы
капитан.

Не малый срок,
не милый срок...

Я совестью себя пытал:
решил,

что дружбу зря берег.

Мне дьявольски хотелось жить, —
пусть даже врозь,
пусть не дружить.

Ну хорошо,

пусть мне идти,
пусть он останется в живых,

поделит с кем-нибудь пути,
и сон,

в кашу

на двоих.

И я шагнул через порог...

Но было мне не суждено,
погибнуть в переделке этой.

Твердя проклятие одно,

приполз я на КП

к рассвету.

В землянке

рассказали мне,

что по моей лыжне ушел он.

Так это он

всю ночь

в огне

глушил их исступленно толлом!

Так это он

из-за бугра

бил наповал из автомата!

Так это он

из всех наград

избрал одну — любовь солдата!

Он не вернулся.

Мне в живых

считаться,

числиться по спискам.

Но с кем я буду на двоих

делить судьбу

с армейским риском?

...Не зря мы дружбу берегли,
как пехотинцы берегут
метр

окровавленной земли,
когда его в боях берут.

Баллада об отце и сыне

Всем, всем

рассказывал он:

на Караваевской в Киеве дом,
одноэтажный, восемь окон;
вырос он в доме том.

Всех, всех

спрашивал он,

кто побывал в переулке родном:
выстоял?

Взорван?

Или сожжен

каменный дом?

Все, все отвечали ему:

«Видели дом твой

в огне и дыму».

Только один сказал:

**«Не задрожало стекло в окне,
не потемнел кирпич в стене...»**

Петр поверил ему.

...Тихо

попрежнему

на юру,

топчутся клены в пыли.

И наконец

мы поутру

сами

в Киев вошли.

Я был на Караваевской

с веселым,

томимым ожиданием Петром.

За черными развалинами школы

стоял его одноэтажный дом.

Мы постучались.

Сразу за порогом

из темноты рванулся женский крик.

И нежность всю,

что бережно и строго

копил в пути,

он отдал ей в тот миг.

Мы в комнатах.

Как будто не бывало
ночных облав, немецких патрулей.

Его кровать под белым покрывалом
и коврик с воркованьем голубей.

Цветы на окнах, и буфет квадратный,
и синий бархат стареньких гардин.

Он только не узнал:

на стенах пятна
от двух поспешно сорванных картин.
И мне казалось,

мать ждала вопроса.

Она молчала, вытирая стол.

И он спросил так ласково и просто:

— Отец ушел?

— Да. С немцами ушел... —

Лучше б

обрушился потолок,

лучше б

узнать в казенном,

лучше б

не ступать за порог,

плакать над трупом сожженным!

— Что я скажу?

Что отвечу бойцам?

Как я позор этот смою?

!

(...И если сын повстречает отца,
быть ему сиротою.)

Баллада о доме

Запомнил он себя таким:

все было мальчику босому

здесь непонятым и родным:

голубоватый, невесомый,
над крышами повисший дым,
и сад, закутанный в солому,
и льдинки у отца в усах.
Он больше года не был дома.

И вот опять в родных краях.

(Румын разбив на правом фланге,
мы фронт прорвали у высот.
Под боевым, гвардейским флагом
дивизия пошла вперед.
Но немцы, выставив заслоны,
нас удержали у реки.
И дан приказ по батальонам:
залечь и отомкнуть штыки.
И дан приказ: построить здесь
землянки-бревна в три наката.)

...Но если у солдата есть
за десять верст отсюда

хата,

где все чуланы и углы
ему молитвенно известны,
где к праздникам скребли полы,
где люди неразлучны с песней, —
не станет никогда родным
ему передний край.

Не станет!

Его голубоватый дым
вперед

сильней приказа тянет.

Его голубоватый дым
тревожить днем

и ночью будет.

Не будет никогда родным
ему передний край.

Не будет!

(Нам тоже было трудно ждать
и рыть просторные землянки.
Нам тоже было больно знать,
что в землю закопали танки.
Но так, как он, никто не ждал
начала яростной атаки.)

...Упала красная звезда,
рванулись из укрытий танки.
И он рванулся.

По родной
земле,
знакомой с малолетства,
пошел под пули,
как святой;
как замороженный.

О, детство!

О, дым,

как небо, голубой!

О, дом —

отцовское наследство!

(С утра отчаянно мело.

По горло ветер, снег по плечи.

Был трудный день. Был тихий вечер.

Наш батальон вошел в село.

Кто знает этот миг? Безлюдье.

Потрескивая, сад горит.

У опрокинутых орудий
лежат чужие пушкарки.)

...А он,

неистовый и шалый,
горланя песню на бегу,
вдруг,

будто раненный, устало
стал на колени

на снегу.

Здесь было все ему родным,
и сразу стало все понятным:
и голубой бездомный дым
и красные

на белом

пятна.

Мы дальше шли.

Но он берет,
как завещанье,

невесомый

жилыя сожженного дымок —
последнее дыханье дома.

Содержание

I

Прожили двадцать лет...	3
...И наступило к вечеру затишье...	4
Лист	5
Оттепель	6
Киев	8
Возвращение	10
Память	12
Гармоника	13
Трава	14
На Днестре	15

II

Тишина	16
Первые жители	17
Последний немец	18
Надпись на камне	19
Не до отдыха нам...	20
Мастер	21
На поле боя	22
Дожди	24
Письмо с Волги	25

III

Баллада о знамени	27
Баллада об одиночестве	32
Баллада о дружбе	35
Баллада об отце и сыне	38
Баллада о доме	40

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

Редактор *П. Антокольский*
Техред *З. Тышкевич*

Подпис. к печати 3/III 1945 г.
A12810. 1,5 печ. л. 1,75 уч.-
изд. л. 41 000 зн. в печ. л. Ти-
раж 5.000 экз. Заказ 1755.
Цена 3 руб.

Ф-ка юнош. книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва,
ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 3 руб.

